

А. Б. КАМЕНСКИЙ

РОССИЯ В XVIII
СТОЛЕТИИ.
ОБЩЕСТВО
И ПАМЯТЬ

Александр Каменский

**Россия в XVIII столетии:
общество и память. Исследования
по социальной истории
и исторической памяти**

«Алетейя»

2017

УДК 94(47)"18"
ББК 63.3(2)46

Каменский А. Б.

Россия в XVIII столетии: общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти / А. Б. Каменский — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-57-8

В фокусе основанных на широком круге источников исследований А. Б. Каменского – русское общество XVIII столетия. В первом разделе книги представлены работы, посвященные тому, как было устроено общество этого времени – какова была его структура, внутренние связи, как действовали механизмы социальной мобильности, каковы были повседневные социальные практики. Во втором разделе рассматривается, как формировалась историческая память о ряде ключевых моментов истории России XVIII столетия, какой след они оставили в литературе и искусстве, как реальные события становились историческими мифами.

УДК 94(47)"18"

ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-906910-57-8

© Каменский А. Б., 2017

© Алетейя, 2017

Содержание

Предисловие	5
Раздел 1	9
Глава 1	9
1. Жители Бежецка, их промыслы и доходы	10
2. Должники и кредиторы	17
2.1. Книги протеста векселей как исторический источник	17
2.2. Из истории векселей в России XVIII в. и историография вопроса	18
2.3. База данных по книгам протеста векселей Бежецкого городского магистрата: общая характеристика	23
2.4. География хозяйственных связей	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Каменский

Россия в XVIII столетии: общество и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти

*Памяти ушедших друзей и выдающихся коллег —
Андрея Полетаева, Виктора Живова и Дэвида Гриффитса*

Предисловие

Так сложилось, что на протяжении последних лет я параллельно занимался двумя направлениями исследований. К первому я обратился целенаправленно по причинам, о которых подробно написано в вводной части первой главы этой книги. Моей целью было попытаться реконструировать то, что можно назвать «экономической повседневностью» русского провинциального города XVIII века. Однако довольно скоро книги протеста векселей – источник, оказавшийся в центре исследования, – стали постепенно, помимо моей воли уводить меня в сторону проблем социальной истории и, прежде всего, структуры русского общества этого времени. Тот факт, что устройство русского общества было в действительности много сложнее, чем это можно себе представить, изучая лишь акты законодательства, что старательно создаваемые государством на протяжении столетия социальные категории и социальные страты были одновременно и реальностью, и своего рода фикцией – далеко не новость. Тем не менее, из кого в действительности состояло русское общество и как оно было устроено, мы до сих пор знаем лишь приблизительно. Но дело не только и, конечно же, не столько в том, чтобы составить список социальных групп, на которые делилось население России в Век Просвещения, и выяснить, как они соотносились с представлениями власти. Составление подобного списка – это лишь первый шаг, за которым должно последовать изучение всего многообразия связей и взаимоотношений между этими группами. Необходимо понять, в каких ситуациях действия людей определялись их принадлежностью к той или иной юридической категории, а в какой – к неформальной группе, сообществу, личными отношениями, как сами российские подданные воспринимали и определяли свой социальный статус, что представлял собой, как складывался и какую роль играл социальный капитал, как работали механизмы социальной мобильности, какова была роль семьи, семейных и родственных связей. Деление русского общества на податные и неподатные категории населения безусловно определяло их правовой статус, но было ли это основанное на фискальном принципе деление единственным фактором, от которого зависел объем того, что позднее стали называть гражданскими правами? Каковы были возможности и практики их реализации?

Все эти вопросы еще ждут своих ответов и исследования, публикуемые в этой книге, лишь, как хочется надеяться, нас к ним немного приближают. При этом подходы к изучению этой проблематики, в том числе демонстрируемые в первом разделе книги, могут быть различными. Так, если в первой главе, основанной преимущественно на анализе книг протеста векселей, которые можно охарактеризовать, как массовый источник, в фокусе исследования оказалась довольно многочисленная группа представителей различных социальных страт, то последующие главы являются по существу микроисторическими исследованиями, *case-studies*, которые, будучи уникальными, одновременно содержат детали, позволяющие делать некоторые выводы общего характера.

Вместе с тем хочу подчеркнуть, что, на мой взгляд, сама проблематика, о которой идет речь, носит далеко не только сугубо академический характер. Изучение русского общества XVIII века с позиций «новой социальной истории» должно привести нас к пониманию того, насколько адекватны традиционные историографические представления о характере Российского государства, о природе российской власти этого времени. Только накопив соответствующий эмпирический материал и осмыслив его, мы сможем наполнить реальным содержанием излюбленную историческими публицистами формулу «власть и общество».

Думаю, что именно осознание этого привело к тому, что означенная проблематика стала сегодня одним из центральных направлений современной исторической науки. Немалая заслуга в этом принадлежит Германскому историческому институту в Москве, по инициативе которого проведен ряд международных конференций и научных семинаров, осуществлен ряд научных проектов, издано несколько сборников статей.¹ Моя работа по этой проблематике, начатая во второй половине «нулевых», была затем продолжена в рамках «Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» 2014–2016 гг. В октябре 2015 г. в Москве состоялся коллоквиум «Семейные связи и социальная мобильность в России XVI–XVIII вв.», организованный Лабораторией социально-исторических исследований НИУ ВШЭ совместно с Высшей школой социальных исследований (Париж), в котором приняли участие ведущие российские и французские специалисты по этой проблематике и по результатам которого был издан тематический номер журнала “Cahiers du monde russe” (Cahiers du monde russe. 57/ 2–3. Avril-septembre. 2016). Тогда же, в октябре 2015 г. в Стэнфордском университете (США) состоялась конференция, приуроченная к юбилею Нэнси Коллманн – одного из пионеров в изучении социальных практик в России раннего Нового времени. Тематика этой конференции, в которой участвовали как молодые, так и известные американские историки, не ограничивалась лишь социальной проблематикой, но именно она была центральной. В ноябре того же года в Екатеринбурге в рамках проекта «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.» состоялся организованный Институтом истории и археологии Уральского отделения РАН и Уральским федеральным университетом научно-практический семинар «Механизмы и практики социального конструирования в России XVII–XX вв.», в центре обсуждений которого оказалась употребляемая историками социальная терминология, причем выяснилось, что эти проблемы актуальны не только для дореволюционной России, но и истории советского времени. Спустя год, в ноябре 2016 г. там же была проведена большая конференция «Социальная стратификация в России XVI–XX вв. в контексте европейской истории».

Важным вкладом в изучение социальной истории России XVIII века несомненно стали две фундаментальные публикации семейно-правовых актов, осуществленные Н. В. Козловой.² Ценность этих комплексов источников прежде всего в том, что они позволяют изучать проблемы социальной истории «снизу», донося до нас социальные представления самих исторических акторов. Их анализ позволил исследовательнице прийти к важному выводу, подтверждающему сказанное выше о сложности социальной структуры русского общества этого времени: «Современной историографии присуще понимание социальной истории как системы социальных позиций, жизненных практик (“стратегий поведения”), ценностных ориентаций и культурных моделей, проявлявшихся в процессе общения людей разного социального статуса и уровня жизни, а также при взаимодействии их с властью. В результате такого взаимодействия

¹ Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. / Ред. О. Глаголева и И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012; «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. Т. I–II. / Ред. А. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. М.: Новое литературное обозрение, 2012; Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). / Отв. Сост. Н. Н. Петрухинцев, Л. Эррен. М.: РОССПЭН, 2013.

² Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вводная статья и комментарии Н. В. Козловой. М.: Изд-во Московского университета. 2002; Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени. / Сост., очерки и комментарии Н. В. Козловой и А. Ю. Прокофьевой. М.: РОССПЭН, 2015.

складывались некие локальные сообщества, социальные группы, которые конструировались самими людьми снизу».³

Новаторский характер носят также появившиеся относительно недавно работы Н. В. Козловой и Е. В. Акельева, посвященные маргинальным группам российского общества XVIII века – представителям преступного мира, а также инвалидам и престарелым обитателям богаделен.⁴ Фактически этими работами открыта новая предметная область, за рубежом давно уже ставшая традиционной для исследований по социальной истории раннего Нового времени.

Другим заметным направлением в исторической науке двух последних десятилетий стало изучение исторической памяти. Мое обращение к этой тематике было, на первый взгляд, случайным и связано в основном с участием в ряде международных конференций, в связи с чем и появилась серия работ, представленных во втором разделе этой книги. Однако в действительности они являются естественным продолжением более ранних исследований, посвященных общественному сознанию и общественной мысли XVIII столетия,⁵ и участия в работе по подготовке вышедшей в 2010 г. многотомной **«Библиотеки отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века»**.

При всей спорности подходов, демонстрируемых в историографии по проблематике исторической памяти, носящих подчас спекулятивный характер, нельзя не признать значения и актуальности самой этой проблематики в свете идущих в последние годы дискуссий о механизмах конструирования и функционирования исторических мифов и роли в связи с этим профессиональных историков и исторической науки. Собственно, само это направление появилось, с одной стороны, как результат рефлексии историков по поводу своей профессии, а с другой, как отклик на интерес и внимание общества и властных структур к проблемам формирования национальной и социальной идентичности. Именно аспект, касающийся самосознания русского общества, как одной из его характеристик, интересует меня в первую очередь. Представленные в книге несколько сюжетов отчасти дают ответ на вопрос, почему одни искусственно конструируемые мифы, не смотря на прилагаемые их авторами усилия, отвергаются, а другие приживаются, находят в обществе отклик и становятся частью массовых представлений о прошлом, какую роль играют в этом литература и искусство. Это, в свою очередь, позволяет с другой по сравнению с социально-историческими исследованиями стороны подойти к проблеме целостности русского общества и задаться вопросом, существовали ли в рассматриваемое время, помимо религиозных, иные «духовные скрепы», а, правильнее сказать, общие ценности, делавшие русское общество единым организмом. Здесь необходимо сделать важную оговорку: слово *общество*, как известно, многозначно и в зарубежной историографии по своему значению приближается к понятию *гражданское общество*. В русскоязычной литературе это слово фактически выступает синонимом слова *население*. В этом значении оно преимущественно используется и в этой книге.

³ Козлова Н. В. Значение семейно-правовых актов дворян для изучения социальной истории // Дворяне Москвы. С. 47.

⁴ Козлова Н. В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: РОССПЭН. 2010; Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М.: Молодая гвардия. 2012.

⁵ См.: Каменский А. Б. Парадоксы массового исторического сознания и конструирование образа прошлого. // Горбачевские чтения: Власть факта и власть мифа: как создается образ современной истории России. Некоторые проблемы освещения истории перестройки в учебниках истории. М., 2005. С. 12–21; *Он же*. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: к постановке проблемы // *Ab Imperio*. 2006. № 4. С. 59–99; *Он же*. К вопросу о проблемах и парадоксах изучения истории русской общественной мысли // *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления: Материалы международной научной конференции*. М., РОССПЭН. 2011. С. 129–139.

* * *

Огромную роль в работе любого ученого играет научная среда, в которой он обитает. Общение на семинарах и конференциях, обсуждение совместных проектов и новых исследований, как и непринужденные беседы, а иногда и случайный, мимолетный обмен мнениями, в том числе с коллегами, чьи научные интересы далеки от твоих собственных, часто становятся толчком к появлению новых идей и новых направлений исследований. Мне повезло работать в уникальной интеллектуальной среде Школы исторических наук ВШЭ, которую составляют люди, искренне увлеченные наукой, историки с огромным научным кругозором и энциклопедическими знаниями прошлого. Всем коллегам по Школе я глубоко благодарен за бесценную возможность научного и дружеского общения, постоянно обогащающего мои собственные научные изыскания.

Отдельные сюжеты, вошедшие в данную книгу, были представлены на научных семинарах Школы исторических наук НИУ ВШЭ, университетов Мюнхена (ФРГ, 2013), Тюбингена (ФРГ, 2014), Страсбурга (Франция, 2015), Отдела русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (2016), на научных конференциях в Гарвардском университете (США, 2009), Университете Индианы в Блумингтоне (США, 2010), Университете Вены (Австрия, 2012), Лондонском университетском колледже (Великобритания, 2012), Уральском федеральном университете (Екатеринбург, 2015, 2016), а также на 44-м ежегодном конвенте Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (США, Новый Орлеан, 2012) и конференции Центра польско-российского диалога и согласия (Варшава, 2015). Хочу поблагодарить всех, кто принимал участие в обсуждении моих докладов: заданные при этом вопросы, высказанные замечания, соображения, рекомендации были для меня, как всегда, чрезвычайно полезны.

Моя особая благодарность коллегам по занятиям русским XVIII веком – Е. В. Акельеву, Е. В. Анисимову, Г. О. Бабковой, Э. Виртшафтер, О. Е. Кошелевой, Г. Маркеру, Д. А. Редину и Е. Б. Смилянкой.

Раздел 1

Социальная история

Глава 1

Кредиторы и должники в русской провинции XVIII века

«В больших городах существует мнение, будто у жителей городков почти не бывает крупных событий: это ложный и обидный взгляд, ведь там бывают банкротства, мошенничества, убийства и скандалы совершенно такие же, как в большом свете».

К. Гамсун. «Женщины у колодца», 1920

В предисловии к моей вышедшей в 2006 г. книге о повседневности русской городской провинции XVIII в., основанной на материалах г. Бежецка, было оговорено, что я исключил из своего рассмотрения финансово-хозяйственную деятельность горожан, поскольку эта тема требует специального исследования.⁶ Вместе с тем, косвенные сведения об этом аспекте жизни города неизбежно попадали на страницы книги хотя бы в виде информации об источниках доходов горожан, стоимости украденного у них имущества, содержимого их кошельков и пр. При этом и я сам, а позднее и некоторые читатели книги обращали внимание на то, что в использованных документах фигурировали подчас довольно значительные денежные суммы, резко контрастирующие не только со сложившимися в историографии представлениями о благосостоянии городского населения этого времени, но и стараниями самих бежечан представить себя в глазах власти убогими и малоимущими. То, что горожане позиционировали себя подобным образом, вполне объяснимо, поскольку это напрямую было связано с размером налогообложения и иных повинностей, которыми облагало их государство, но становилось очевидным, что для лучшего понимания жизни города необходимо попытаться восстановить истинную картину. Это и стало одной из причин нового обращения к материалам хранящегося в РГАДА фонда Бежецкой земской избы, ратуши и городского магистрата, на сей раз с целью реконструкции экономических аспектов повседневной жизни горожан XVIII в. При этом, как и в предыдущем исследовании, важнейшей целью работы явилось прежде всего выяснение информационного потенциала документов, отложившихся в фонде городского магистрата. Такого рода документов достаточно много, причем как создававшихся с фискальными целями, а также для регулирования торгово-хозяйственной деятельности и, соответственно, непосредственно отражающих экономические аспекты жизни города, так и содержащих косвенную информацию, подчас существенно дополняющую информацию источников первой группы. Как будет показано ниже, именно комплексное использование различных источников позволяет восстановить различные стороны того, что с определенной долей условности можно назвать *экономической повседневностью*, имея в виду, что повседневная забота о хлебе насущном во все времена составляла существенную часть жизни человека.

Вместе с тем, обращение к этим документам показало, что их информационный потенциал гораздо богаче, чем можно было ожидать. Экономическая повседневность – это лишь одна из граней человеческого бытия, не отделимая от иных аспектов социального и функционирования человека, как участника экономических процессов, в значительной мере опре-

⁶ Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006. С. 21.

деляет его положение в социуме, характер его отношений и взаимодействия с другими его членами. Между тем, организация русского общества XVIII века, его структура, характер взаимодействия и связей внутри него – это активно обсуждаемая и изучаемая тема современной исторической науки. Понять, как было *устроено* русское общество этого времени, как и почему это устройство менялось на протяжении столетия, в том числе под влиянием преобразований начала века, – это важнейшая научная задача, решение которой рассматривается как предпосылка к раскрытию существа социальных процессов последующего времени.

Общий вид Бежецка: К. К. Спучевский «По Северу России». Т. I. СПб., 1886

Вследствие этого исследование, задуманное первоначально в рамках экономической истории, вышло за его пределы и приобрело, с одной стороны, более многоаспектный характер, а с другой, описание экономической повседневности сконцентрировалось преимущественно на одной сфере, а именно сфере кредитных отношений.

1. Жители Бежецка, их промыслы и доходы

Повторное обращение к документам Бежецкого городского магистрата позволило выявить некоторые новые источники, позволяющие составить общее представление о благосостоянии населения города и ее динамике. Стоит при этом вновь оговориться, что картина, реконструируемая по официальным документам, как мы еще будем иметь возможность убедиться, очевидно отличалась от реальности. Так, А. В. Демкин, сравнивая сведения сказок первой ревизии с данными таможенных книг, справедливо отмечал, что «те же торговые люди делали явки, подчас намного превышающие суммы их оборотных капиталов по сказкам... В этих источниках практически не учитывается кредитный капитал, имевшийся в распоряжении каждого торговца. Нельзя доверять сказкам, если в них указано, что тот или иной торговый человек вел лишь лавочную торговлю».⁷ О кредитном капитале речь пойдет в следующем разделе данной работы, а пока посмотрим все же на официальные данные.

Согласно ведомости 1709 г., лишь 28,4 % дворовладельцев Бежецка в качестве основного источника своих доходов указали торговую деятельность. При этом характер перечисляемых ими товаров указывает на то, что речь идет о торговле за пределами Бежецка. Еще 25,6 % источником своих доходов указали разного рода промыслы, продукция которых, скорее всего,

⁷ Демкин А. В. Торговые люди верхневолжских городов во второй половине XVII – начале XVIII вв. (к проблеме генезиса капиталистических отношений). Автореферат дисс. канд. ист. н. М., 1983. С. 22.

также шла на продажу, но, возможно, по большей части в самом городе. 15,5 % жили за счет огородов и «черной» работы.⁸

Составленная в год Полтавской битвы ведомость, конечно же, не может служить точкой отсчета. Нет сомнения в том, что в последующие за этим годы охвативший страну финансово-хозяйственный кризис, постоянные трудовые мобилизации, а также криминальная ситуация отразились и на благосостоянии бежечан. Так, в 1722 г. из Бежецка в Угличскую провинциальную канцелярию доносили, что из-за воров и разбойников в Бежецк и Бежецкий уезд не приезжают купцы из других городов, а бежецкие купцы, в свою очередь, боятся выезжать с товарами за черту города. Следствием этого был недобор таможенных сборов, а поскольку люди также боялись ходить в кабаки, располагавшиеся за чертой города, наблюдался недобор и питейных сборов.⁹

Выявить изменения, произошедшие в городе в петровское время, помогает новая подворная ведомость, составленная в 1725 г.¹⁰ в связи с заменой сбора десятой деньги подушной податью. Каждая запись в этой ведомости перечисляет по именам с указанием возраста всех, проживавших во дворе лиц мужского пола – владельца двора, его сыновей, внуков, родственников, а также, если имелись, и работников. О лицах женского пола в ведомости имеются лишь сведения о их численности в каждом дворе, но без указания имен, возраста и родства по отношению к владельцу двора.

Первое, что бросается в глаза при сравнении ведомостей 1709 и 1725 гг., это сокращение числа дворов. Так, если ведомость 1709 г. зафиксировала 359 посадских дворов, то ведомость 1725 г. содержит описание лишь 280 дворов. Однако из 359 дворов в 1709 г. 11 пустовали, а 46 принадлежали вдовам и 2 незамужним девкам, то есть дворов, которыми владели мужчины, было 300. Правда, 22 из 46 вдов имели малолетних сыновей, которые к 1725 г. должны были быть уже взрослыми и могли быть зафиксированы в качестве дворовладельцев.¹¹ Впрочем, также могло увеличиться и число вдов, в чьих дворах не было ни одной души мужского пола и которые по этой причине в ведомости 1725 г. не фигурируют. Таким образом, если некоторое сокращение числа дворов с 1709 по 1725 г. и произошло, то оно было незначительным, во всяком случае, достаточных оснований для того, чтобы рассматривать уменьшение числа дворов как результат петровских преобразований нет.

Как и в ведомости 1709 г. в ведомости 1725 г. имеются сведения об источниках дохода дворовладельцев. Однако, если в ведомости 1709 г. в отдельной графе указывался размер платившихся дворовладельцами податей, то в ведомости 1725 г. появилась графа «сумма, сколько имеет всякого торгу». Соответственно запись об источниках дохода заканчивалась словами «капиталу не имеет» (в этом случае данная графа оставалась незаполненной), либо «капиталу имеет на...» (в графе проставлялась сумма в рублях).¹²

Наибольший интерес представляет, конечно же, сравнение структуры источников доходов. Однако сделать это можно лишь отчасти из-за различных приемов, использовавшихся составителями ведомостей при их описании. Если в ведомости 1709 г. указывается 67 разновидностей источников дохода,¹³ то в ведомости 1725 г. их всего 51, что вовсе не означает их реального сокращения, поскольку формулировки, используемые в ведомостях для описания источников доходов, далеко не всегда совпадают и очевидно, что одни и те же виды хозяйственных занятий называются по-разному.

⁸ См.: Там же. С. 92–96.

⁹ РГАДА. Ф. 709. Оп.2. Д. 229. Л. 13–13об.

¹⁰ Там же. Д. 290. Л. 203–238.

¹¹ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 65.

¹² Интересно, что, хотя ведомость заполнена одним почерком, часть сумм написана арабскими, а часть кириллическими цифрами.

¹³ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 92–96.

Сопоставим сперва позиции с совпадающими формулировками:

Таблица 1

№ п/п	Источник дохода	Число дворовладельцев 1709 г.	Число дворовладельцев 1725 г.
1	«Черная работа»	27	68
2	«Черная огородная работа»	8	11
3	Огородная работа	46	14
4	«Кормитца своею работою» (1709) / Работа «из найма» (1725)	3	4
5	Торг луком и чесноком	5	35
6	Торг мясом	12	9
7	Торг крашенинным промыслом	6	1
8	Торг рыбой	4	4
9	Торг лавочным москотинным товаром	9	12
10	Торг сыренным / сыромятным промыслом/товаром (сыренным и лавочным – 1725)	6	8
11	Торг калашным промыслом (1709) / Торг хлебом и калачами (1725)	4	8
12	Торг солодовым промыслом / солодом	1	2
13	Торг хрящем	12	3
14	Кузнечное ремесло	21	14
15	Сапожное ремесло	8	3
16	Крашенинный промысел /ремесло	4	4
17	«Кормятся работою своею, пишют иконы» (1709) / «От иконного художества» (1725)	1	1
18	«Рукоделием своим серебряным мелочным мастерством против нижней пробы» (1709) / «Серебряного ветошного мастерства» (1725)	3	1
19	Рыбная ловля	6	4
20	«Шьют портное» (1709) / «От портного мастерства» (1725)	1	1

Если первые четыре графы таблицы не требуют специального комментария, то уже то, что касается торговли луком и чесноком, выросшей в 7 раз, нуждается в пояснении. Согласно ведомости 1709 г. помимо 5 человек, торговавших этим товаром, еще один совмещал продажу лука и чеснока с продажей рыбы, а один – с продажей кожи. Один из 35 посадских, производивших эту торговлю в 1725 г., продавал также «протчие огородные овощи». При этом в ведомости 1725 г. продажа «огородных овощей» фиксировалась отдельно, и ею занимались 6 человек, а также еще один, торговавший овощами и хлебом. Таким образом, общее число бежечан, вовлеченных в торговлю овощами, к 1725 г. достигло 41 человека против 7 в 1709 г.

Хлеб, как вид продаваемого товара, в ведомости 1709 г. вообще не фигурирует, в то время как в 1725 г., помимо 8 человек, торговавших хлебом и калачами, еще 9 торговали «хлебными припасами», а еще 5 – хлебом и «харчевыми припасами» (всего 22). Продажей только «харчевых припасов» промышляли в 1725 г. 4 бежечанина. Однако в ведомости 1709 г. в качестве самостоятельного источника дохода значится «калашный промысел», которым занимался 21 человек, и продукцию своего промысла они, естественно, продавали. Еще 3 человека сочетали его с «квасным промыслом».

«Квасным промыслом» занимался и один из 12 посадских, торговавших в 1709 г. мясом, 4 человека продавали ягнят, коз и другой скот и 2 человека были заняты «мясным промыслом» (всего 19). По состоянию на 1725 г., кроме 9 бежечан, специализировавшихся исключительно на продаже мяса, еще один сочетал ее с торговлей хрящем, а один – с торговлей «щепетинным товаром» (всего II).¹⁴

¹⁴ Щепетинный (щепетильный) товар – товары для женщин, включающие нитки, иголки, булавки, пуговицы, бисер, а также духи.

В ведомости 1709 г. «щепетинный товар» (только им в 1725 г. торговали еще 2 человека) не упоминается вовсе, в то время как в ведомости 1725 г., в свою очередь, не значится «квасной промысел», которым в 1709 г. промышляли 6 человек.

Трое бежечан в 1709 г. сочетали торговлю лавочным москотинным товаром с торговлей хрящем и, таким образом, всего продажей москотинного товара, как и в 1725 г. промышляли 12 человек. Уменьшение числа торговавших только хрящем связано, видимо, с тем, что еще по меньшей мере 4 человека в 1725 г. сочетали этот вид торговли с другими товарами (юфть, сало, сыреные товары). Вместе с тем, 7 посадских в 1709 г. помимо хряща продавали кожи и овчины, 1 – хрящи и мерлушки, 1 – хрящи и холсты, а еще 1, как и в 1725 г. – хрящи и сыреные товары.

Юфть (выделанная дубленая кожа, выработанная из шкур крупного рогатого скота, лошадей и свиней), как особый вид товара, которым в 1725 г. торговали 2 человека, в ведомости 1709 г. не упоминается, но в ней фигурируют 10 торговцев кожами, одновременно торговавших и другими товарами. Трое бежечан в 1709 г. торговали хмелем, в то время как в 1725 г. его можно было приобрести только у одного торговца. Два человека в 1709 г. продавали свечи. В ведомости 1725 г. этот товар отсутствует, хотя понятно, что без него в XVIII в. люди существовать не могли. Зато к 1725 г. в Бежецке появился один купец, специализировавшийся на продаже пряников.

В целом, если в ведомости 1709 г. торговля как источник дохода значится у 28,4 % бежечан, то к 1725 г. их число возрастает до 44 %. Одновременно возросло и число горожан, кормившихся «черной» и «черной огородной работой» – с 10 до 28,2 %. Однако уровень достоверности этих цифр не равноценен. Во-первых, если исходить из цифровых данных, число вовлеченных в торговлю выросло, прежде всего, за счет роста продавцов лука и чеснока, что вряд ли связано с увеличением потребления этих продуктов. Во-вторых, вполне очевидно, что, как отмечалось на предыдущем этапе исследования при анализе ведомости 1709 г.,¹⁵ те, чьим источником дохода был обозначен тот или иной промысел (как, например, калашный), продавали продукты своего труда и, значит, тоже были вовлечены в торговлю. Так, к примеру, в ведомости 1709 г. обозначены два бежечанина, зарабатывавшие себе на жизнь «шапочным промыслом».¹⁶ В ведомости 1725 г. подобный вид ремесла отсутствует, но об одном из жителей города сказано: «торгует шапками». Таким образом, единственный вывод, который можно сделать со всей определенностью, заключается в том, что число бежечан, вовлеченных в торговлю, не уменьшилось, а, возможно, и слегка выросло.

Более точно реальную ситуацию передают, по-видимому, данные о занятых «черной работой». Увеличение их числа можно трактовать как свидетельство обнищания населения, что подтверждается и тем, что, если в 1709 г. из 48 дворовладельцев, кормившихся «милостью», 46 были вдовы, то в 1725 г. о 18 мужчинах-дворовладельцах (6,4 %) сказано «пропитание имеет в гошпитале».¹⁷ Еще 3 малолетних дворовладельца, потерявшие родителей, находились на содержании родственников.

Несколько иначе, чем в 1709 г. выглядят представленные в ведомости 1725 г. промыслы и ремесла бежечан. Кроме уже упомянутых, из нее исчезли изготовление свечей (1 чел.), плотницкая работа (1 чел.), извозная работа (1 чел.), изготовление мехов («скорняшная работа» – 2 чел.), воскобойный и солодовый промыслы (по 1 чел.). Зато появились дубленинное и сыромятное ремесло (по 1 чел.), пастьба скотины (1 чел.), а вместо двух рассыльчиков приказной

¹⁵ Каменский А. Б. Указ. соч. С. 96.

¹⁶ В 1709 г. один из бежечан также шил рукавицы; в 1725 г. этот промысел не упоминается.

¹⁷ Это единственное упоминание госпиталя, встретившееся в документах Бежецкого магистрата, в связи с чем невозможно определить, чем в действительности было это учреждение.

избы появились один подьячий городской ратуши, еще один исполняющий там же «письменную работу», а также один фискал.

Ведомость 1725 г. интересна и с точки зрения социальной идентификации. Те 118 из 280 учтенных в ней дворовладельцев, которые не имели постоянного дохода, обозначены в ней как бобыли, и это обозначение никак не связано с их семейным положением. На первых листах ведомости 5 бежечан удостоились обозначения «посадской человек», однако далее составитель ведомости перестал утруждать себя написанием этих слов, вообще опуская указания на социальную идентификацию имевших стабильные доходы горожан. В отдельный реестр были записаны 18 «бездворовых бобылей и их детей», по крайней мере некоторые из которых также были женаты. Всего же ведомость 1725 г. зафиксировала в Бежецке 625 душ мужского пола, 639 женского, а также 6 «служителей» и 7 «работниц», то есть 1277 человек.

В послепетровский период экономическая ситуация в городе очевидно постепенно менялась в лучшую сторону. Составленный в 1766 г. «Реестр имеющимся в городе Бежецке переоброченными лавкам, анбарам, кузницам, постоянным дворам и воскобойням, чьи оныя имянно имеются» зафиксировал в городе 91 лавку (из них 7 «мирских»), 36 амбаров, 22 кузницы, «кузнешных мест» и «угольников»,¹⁸ 8 постоянных дворов и 4 воскобойни.¹⁹ Сразу заметим, что такое количество лавок, конечно же, было рассчитано не на население самого Бежецка, составлявшее в это время около 2,5 тыс. человек, а на приезжавших в город иногородних купцов и покупателей.

«Топографическое и историческое описание города Бежецка» 1783 г., зафиксировало уже 152 лавки, 41 амбар и 15 кузниц.²⁰ Такой быстрый рост числа лавок свидетельствовал как о росте населения, так и о значении Бежецка, как торгового центра. В Описании отмечалось, что в Бежецке «бывает годовая ярмонка 30 числа июня, которая продолжается 5 дней. На оную приезжают из Москвы и Углича с серебряными для образов окладами и перстнями, из Ярославля – с мелочными медными крестьянскими и оловянными вещами, из Торопца, Кашина – с шелковыми материями и кожами, из Тихвина и Калязина – с железными косами и сковородами, из Краснаго Холму – с шерстяными товарами. Всего привозится на 20 200 рублей. В ярмонку распродается на 5000, в лавки берется на 2810 руб.; прочия отвозятся обратно. Да сверх того каждую неделю съезжаются по понедельникам и четвергам уездные обыватели на торг с хлебом и съестными припасами, с сеном и дровами». Далее в Описании приводятся подробные сведения об источниках доходов городского населения:

«В Бежецке считается: 1) купцов, производящих гуртовый торг, 29 семей, которые, скупая в самом городе и в окрестных городах хлеб, сало, кожи, холсты, возят до Борович сухим путем, а оттуда отправляют водою к Петербургскому порту, всего по цене в каждой год на 34 114 рублей; 2) купцов, торгующих в лавках и в розницу, считается 71 семья; торг их состоит в хлебе, железе, золотых позументах, шелковых, бумажных, шерстяных и нитяных материях, в разной посуде, напитках и прочих съестных припасах, и простирается ежегодно на 27 678 руб. В числе сих купцов один имеет солодовый завод; двое – воскобойные и четверо – кирпичные. У всех в торгу около 800 рублей обращается; 3) цеховых разных художеств и рукоделий – 67 семей, в том числе: живописцев 6, столяров 4, оконнишник 1, портной 1, кузнецов 13, мясников 12, Калашников 15, Прянишников 5, рыбаков 5, Крашенинников 4. Оные прибыли получают ежегодно 4040 рублей. Прочие градские жители, коих числом 120 семейств, пропи-

¹⁸ Согласно Словарю Академии Российской, «угольник и угольщик» – «тот, кто приготавливает или продает уголь» (Словарь Академии Российской. Том шестой. М., 2006. С. 411). В данном случае, скорее, имеются в виду ямы с углем.

¹⁹ РГАДА. Ф. 709. Он. 1. Д. 165а. Л. 67^о.-68^о.

²⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерирского по городам и уездам описания 1783–1784 г. Тверь. С. 62. Рукописная копия топографического описания Тверской губернии 1783 г. сохранилась в составе библиотеки Г.А. Потемкина в рукописном отделе Научной библиотеки Казанского государственного университета.

тание имеют, нанимаясь в прикащики у других купцов и черною работою, получая сверх того за огородные овощи и за отдаваемые из найму свои дома прибиток».

Таким образом, Описание зафиксировало 287 семей «градских жителей», из которых торговлей за пределами Бежецка обеспечивали себя 10,1 %, внутригородской торговлей – 24,7 %, разного рода промыслами – 23,3 %, а за счет огородов и «черной» работы жили 41,8 %. Если сравнить эти данные с данными 1709 г., то получается, что общее число занятых торговлей и промыслами с 1709 по 1783 г. возросло с 54 до 59 %. При этом доля живущих за счет торговли возросла с 28,4 до 35,8 %, в то время как доля живущих за счет промыслов несколько уменьшилась. Однако, по сравнению с 1725 г. число живущих за счет «черной» и огородной работы, а также работы по найму возросло с 34,6 % до 41,8 %. Правда, в это число входят и получавшие доходы от продажи овощей и сдачи своих домов в наем.

Выделение последнего источника дохода особенно примечательно. Надо полагать, что, если бы речь шла о единичных случаях, составители Описания вряд ли бы об этом упомянули. Значит, это было обычной и достаточно распространенной практикой. Между тем, взаимоотношения между хозяевами и арендаторами жилья, которые, как можно предполагать, отличались от взаимоотношений между хозяевами и теми, кто стоял у них постоем, – одна из тем зарубежной исторической урбанистики, однако в российских источниках такого рода сведения практически отсутствуют.

Необходимо при этом заметить, что используемое составителями Описания 1783 г. понятие «семья» в сущности совпадает с понятием двора, как «счетной единицы» описи 1709 и ведомости 1725 гг. В 1761 г. Бежецкий магистрат сообщал в Коммерц-коллегию о 635 живущих в городе купцах (лишь на 10 больше, чем в 1725 г.), из которых 260 числились в первой, второй и третьей гильдиях. При этом, по утверждению магистрата, лишь купцы первой гильдии, составлявшие 2,8 % от общего числа, торговали за пределами города, еще 10,2 % (купцы второй гильдии) – в городе и уезде, а остальные 27,9 % (купцы третьей гильдии) пробаивались торговлей огородной продукцией и «подлыми мелочными товарами». Общая численность занятых в торговле, согласно этим данным, составляет 40,9 %, что значительно меньше, чем в 1709 и, тем более, 1783 г. Однако очевидно, что сюда опять же, видимо, не попали данные о тех, кто кормился промыслами.

Как уже упоминалось, ведомость 1725 г. содержит сведения об оборотном капитале занимавшихся торговлей жителей Бежецка. Сведения эти, скорее всего заниженные, интересно сопоставить с немногочисленными за этот период данными о вексельных сделках, подробнее о которых речь пойдет ниже. Так, в ведомости 1725 г. значатся братья Афанасий и Антон Попковы, соответственно 38 и 35 лет. Оба брата были женаты и оба не имели детей. О старшем сказано, что он «торгует юфтью и хрящем», а о младшем, что он «торгует лавочным москательным товаром». При этом размер оборотного капитала у каждого из братьев составлял по 20 руб. В базе данных о вексельных сделках бежечан (см. ниже) братья четырежды фигурируют в качестве заемщиков, причем в трех случаях их заимодавцем был приказной Строгановых Иван Простой: в 1716 г. братья одолжили у него 160 руб., в 1717 г. – 171 руб., а в 1718 г. – 100 руб. Нет сомнения, что за этими достаточно значительными суммами скрываются определенные торговые операции, причем показательно, что велись они с одним и тем же контрагентом. Четвертый случай относится уже только к старшему из братьев, который в 1719 г. одолжил 32 руб. у бежечанина Федосея Репина. Согласно ведомости 1725 г. заимодавец торговал «сыренным товаром» с оборотом в 15 руб. Ровно такую же сумму в 1717 г. одолжил кормившийся черной работой 52-летний «бобыль» Степан Петухов у Никифора Дегтярева. Последний представляет особый интерес, поскольку запись о нем в ведомости 1725 г. гласит: «Фискал Никифор Степанов сын Дегтярев, торгует хлебными припасами; капиталу не имеет». В данном случае невозможно определить, был ли Дегтярев действующим фискалом или он исполнял эти

обязанности раньше, но показательно, что, признавая свои занятия торговой деятельностью, он считал возможным вовсе не указывать оборотного капитала.

Занявший в 1721 г. 12 руб. 6 алтын и 4 деньги у рассыльщика Бежецкой канцелярии Максима Жукова Кузьма Антипович Сусленников до 1725 г., по-видимому, не дожил: в ведомости значатся два его брата – Артемий 54 и Василий 45 лет. С кланом Сусленниковых был связан еще один заемщик – Евстрат Тыранов, в 1726 г. одолживший 46 руб. у Семена Ивановича Попова. В ведомости 1725 г. Тыранов значится зятем торговавшего юфтью, холстами и салом с оборотным капиталом в 100 руб. Ивана Мелентьевича Сусленникова. На момент составления ведомости состоятельному тестю было 72 года, а его зятю – 37. У Тыранова было два сына 13 и 11 лет. Помимо них во дворе Сусленникова проживали еще пять женщин. Можно предположить, что в виду преклонного возраста дворовладельца хозяйственной деятельностью занимался именно зять. Его кредитор Семен Попов торговал «мясами и хрящем» с оборотным капиталом в 30 руб.

Обратим также внимание на то, что средний годовой доход каждой из семей, занятых в 1783 г. торговлей вне города составлял примерно 1176 руб., занятых внутригородской торговлей в разы меньше – 390 руб., а занятых промыслами – всего 60,3 руб. Эти данные свидетельствуют о значительном имущественном расслоении среди бежечан. Однако это касается только купцов и мещан, а для полноты картины необходимо представить себе структуру городского населения этого времени, сведения о которой также содержатся в Описании:

«Жителей в Бежецке вообще всякаго состояния считается: мужеска 1518, женска 1574 [душ], в том числе: дворян, находящихся при должностях, и их детей мужеска 17, женска 16; дворян, живущих в городе без должности – мужеска 3, женска 3; инвалидной команды штаб и обер офицеров и их детей – мужеска 52, женска 60; сельских заседателей 6, женска 1;²¹ лекарь – 1, жена его 1; священно и церковнослужителей – мужеска 69, женска 78; секретарей и других приказных и их детей – мужеска 41, женска 45; купцов – мужеска 515, женска 484; мещан – мужеска 196, женска 311; экономических подгородней Макарьевской слободы крестьян, вошедших в городской план, и других в городе в работах упражняющихся – мужеска 155, женска 173; присяжных гвардии ундер-афицеров и их детей – мужеска 5, женска 4;²² штатной команды ундер-афицеров, рядовых и их детей – мужеска 43, женска 49, инвалидной команды ундер-афицеров, рядовых и их детей – мужеска 151, женска 180; приставов, сторожей и их детей – мужеска 6, женска 6; разночинцев – мужеска 27, женска 57; у дворян и других чинов крепостных людей, при них в городе живущих, или к градским домам приписанных – мужеска 80, женска 106 душ; семинаристов 151».²³

Таким образом, население Бежецка в 1783 г. составляло 3092 человека, включая 328 жителей Подгорней слободы, включенной в состав города после 1775 г., и 151 семинариста, также появившихся в Бежецке уже после реформы. Показательно, что присоединение к городу экономической слободы произошло путем включения ее в городской план. Надо полагать, подобное решение было вполне естественным в виду своего рода переходного состояния ее жителей, именовавших себя «жителями» и, как мы увидим на примере семьи Загадашниковых, принимавших активное участие в хозяйственной жизни города.

Приведенное описание состава городского населения примечательно в нескольких отношениях. Прежде всего, обращает на себя внимание, что составители Описания сочли необходимым выделить 16 групп горожан, сформированных при этом по различным признакам – сословным и должностным. Само это деление можно рассматривать в качестве представления

²¹ Судя по всему, имеются в виду выборные заседатели нижнего земского суда от крестьян, которых, согласно Учреждению о губерниях 1775 г. должно было быть два человека.

²² Должность присяжных в уездных казначействах также была введена Учреждением о губерниях 1775 г.

²³ Там же. С. 64–65.

власти о структуре русского общества этого времени. В частности, порядок, в котором перечислены группы населения, по-видимому, соответствует представлениям власти о социальной иерархии. Одновременно представленное в Описании деление общества лишнее раз указывает на противоречия как между формируемой государством сословной структурой и созданной им же системой чинов, так и реалиями русской жизни этого времени. Примечательно, к примеру, что члены инвалидной команды разделены в описании на две категории – офицеров-дворян и унтер-офицеров и рядовых. Интересно и то, что последнюю, самую низшую ступеньку иерархической лестницы занимают семинаристы, под которыми, по-видимому, имеются в виду учащиеся Бежецкого духовного училища, основанного в 1777 г.²⁴ Оно предназначалось для детей церковников и, как видим, насчитывало значительно больше учащихся, чем живших в городе церковнослужителей.

2. Должники и кредиторы

2.1. Книги протеста векселей как исторический источник

Как уже ясно из сказанного выше, косвенная информация о хозяйственной деятельности горожан и их благосостоянии встречается в самых разных документах, основное содержание которых и цели их создания далеко не всегда имеет прямое отношение к этим сюжетам. Однако в фонде городского магистрата в соответствии с функциями этого учреждения отложились, естественно, и некоторые виды источников, посвященные именно им. Один из них, на котором основан данный раздел – книги протеста векселей.

Вексель – это платежное кредитное средство, один из инструментов осуществления разного рода финансовых и торговых операций и, соответственно, он может служить источником сведений об объеме торгово-хозяйственной деятельности. Однако сами векселя XVIII в., по причинам, о которых будет сказано ниже, почти не сохранились и все, чем располагает исследователь – это так называемые книги протеста векселей, каждая запись в которых содержит копию опротестованного, то есть неоплаченного вовремя векселя, для взыскания денег по которому кредитор вынужден был прибегнуть к помощи органов государственной власти.

В фонде Бежецкой ратуши и городского магистрата хранится 25 книг протеста векселей за 1740–1775 гг.²⁵ Судя по всему, до 1740 г. подобные книги в Бежецке не велись и появились лишь тогда, когда среди Бежецкого купечества векселя получили достаточно широкое распространение. Впрочем, очевидно, что, если вексель – это документ, предназначенный в первую очередь для фиксации денежных обязательств, то такого рода обязательства существовали и до появления векселей и лишь оформлялись иначе – в виде кабальных записей и заемных писем. Причем, в случае неуплаты долга кредиторы и в первые десятилетия XVIII в. обращались за судебной защитой именно в городской магистрат (ратушу). Сведения о разборе такого рода дел действительно встречаются в документах Бежецкого магистрата, относящихся ко времени до появления книг протеста векселей. Относительно массовый характер подобной информации позволил создать основанную как на книгах протеста векселей, так и на иных подобных документах базу данных о долговых обязательствах, в которой учтены 2448 случаев за 1696–1775 гг. Первоначально, при начале работы по составлению этой базы предполагалось, что в результате будет получен достаточно репрезентативный корпус информации о финансово-хозяйственной деятельности горожан. Однако результаты анализа собранного материала показали, что, во-первых, вексель – это гораздо более информативный источник, чем можно

²⁴ В этом училище позднее учился, в частности, П. А. Плетнев.

²⁵ РГАДА. Ф. 709. Оп. 1. Д. 69, 98, 124, 152, 181, 217, 262, 312, 367, 414, 445, 493, 580; Оп. 2. Д. 622, 636, 798, 870, 902, 962, 998, 1032, 1107, 1135, 1169, 1190.

думать, исходя лишь из цели его создания. Содержащаяся в нем многоаспектная информация далеко выходит за пределы только историко-экономической проблематики, подтверждая справедливое замечание английской исследовательницы Кристин Вискин о том, что «кредит можно рассматривать и в качестве способа ведения дел и как репутацию индивидов, его осуществляющих».²⁶

Во-вторых, в бежецких книгах протеста векселей зафиксированы протесты не только жителей самого Бежецка, но и других лиц, причем не только горожан, но и представителей иных социальных групп, вступавших в вексельные сделки с горожанами. Таким образом, изучение этого вида источника позволяет проникнуть в одно из тех пространств, где происходило взаимодействие различных социальных групп русского общества XVIII в. Однако прежде чем подробно рассмотреть содержание полученной базы данных, стоит вкратце напомнить историю вексельного обращения в России.

2.2. Из истории векселей в России XVIII в. и историография вопроса

Согласно этимологическому словарю М. Фасмера, слово «вексель» немецкого происхождения и в русский язык вошло в употребление в начале XVIII в.²⁷ «Словарь русского языка XVIII века» относит первое упоминание этого слова к 1698 г., ссылаясь при этом на составленный при участии Петра I «Лексикон вокабулам новым», который считается первым русским словарем иностранных слов.²⁸ На одной из Интернет-страниц утверждается, что векселя якобы были введены указом Петра в 1693 г.,²⁹ однако, о каком именно указе идет речь, неясно, поскольку в Полном собрании законов (ПСЗРИ) подобного указа обнаружить не удалось. Лишь в Наказе гостю Сергею Лабазному «О сборе в Московской большой таможене пошлин» упоминаются «переводные письма», то есть по существу векселя, которые, однако, принимать в уплату пошлин запрещалось.³⁰

Само же слово «вексель» впервые встречается в законодательстве, судя по всему, лишь в 1711 г. в знаменитом «Указе, что по отбытии нашем делать», данном царем Сенату 2 марта этого года накануне Прутского похода, где собственно описывались полномочия вновь создаваемого высшего органа исполнительной власти. В нем, в частности, говорилось: «Вексели исправить и держать в одном месте».³¹ Сенаторы, судя по всему, не сразу поняли, что имел в виду государь, поскольку выполнили распоряжение лишь в конце июля 1711 г., издав указ, которому составители ПСЗ дали название «О невыдаче впредь из присутственных мест по векселям денег без разрешения Правительствующего Сената»,³² что указывает на то, что подобная практика уже была распространена. В последующие годы эпизодические упоминания о векселях в законодательстве свидетельствуют о том, что они употреблялись в основном как инструмент внешней торговли. Однако уже в 1728 г. в Наказе Верховного тайного совета губернаторам и воеводам говорилось: «Воеводам денег на вексели отнюдь никому не давать, и в тех векселях в платеже сроков с получения далее месяца не писать, и те вексели в те места, где по ним взять надлежит, посылать при доношениях на почте, а тем людям, кому деньги отданы будут, не отдавать».³³ Невнятность этого положения искупается тем, что уже в мае 1729 г.

²⁶ *Christine Wiskin*. Women, Finance and credit in England, c. 1780–1826. A Thesis Submitted in fulfilment for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of History at the University of Warwick June 2000. p. VI.

²⁷ *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. I. С. 287.

²⁸ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1987. Вып. 3. С. 8.

²⁹ Электронный ресурс: <http://www.diplomnic.ru/rabota/9460.html> /поел, посещение 31.07.2011.

³⁰ Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗРИ) Т. III. № 1641. С. 466.

³¹ ПСЗРИ. Т. IV. № 2330. С. 635.

³² ПСЗРИ. Т. IV. № 2407. С. 719.

³³ ПСЗРИ. Т. XVIII. № 5333. С. 107.

в действие был введен Устав вексельный, действовавший в России вплоть до 1832 г., когда он был заменен новым.

Устав был разработан Комиссией о коммерции во главе с А. И. Остерманом и основывался на шведском вексельном уставе 1671 г. и соответствующем законодательстве германских государств. В преамбуле к Уставу разъяснялось:

«Вексельной Устав сочинен и выдан вновь ради того, что в Европейских областях вымышлено вместо перевоза денег из города в город, а особо из одного владения в другое, деньги переводить чрез письма, названья векселями, которыя от одного к другому даются или посылаются, и так действительны есть, что почитаются наипаче заимного письма и приемлются так, как наличныя деньги, а за неплатеж штрафуются многими перед займом излишними процентами, ибо из того пользы происходят следующие: 1) От провозу деньгами расходов освобождаются; 2) Опасности путевой нет; 3) Торгующие векселями прибыли получают; 4) Сами владеющие Государя в публичных своих негоциациях из того видят пользу и способность, когда понадобятся в чужих краях деньги, то чрез вексели получают; 5) Генерально усмотрено, что сей наилучший способ есть, дабы из Государства серебра и золота не вывозили, также всему регулярному купечеству без векселей обойтись не можно».³⁴

Уже в первой главе Устава векселя, выражаясь юридическим языком, был придан бесспорный характер, то есть его подлинность не требовала специальных доказательств. Более того, при его составлении, в отличие от иных частноправовых документов, не нужны были свидетели или поручители ни со стороны заемщика, ни со стороны займодавца. В Уставе также оговаривалось, что основным видом вводимого в России векселя является так называемый *вексель соло*, т. е. составляемый в одном экземпляре и дублируемый лишь в случае его утери. Поскольку государство в данном случае не требовало, чтобы вексель составлялся на гербовой бумаге и как-либо заверялся или фиксировался в каком-либо государственном учреждении, это был в полном смысле частноправовой и по-своему уникальный для XVIII в. акт. При возвращении долга в срок вексель возвращался заемщику и тот, как правило, его уничтожал. Именно поэтому подлинные векселя до нас практически не дошли, но зато, если вексель был просрочен и опротестован, он копировался в соответствующей книге.

Стоит сразу же заметить, что в изученных документах попытки оспорить подлинность векселя почти не встречаются и заемщики, как правило, признавали свои долги.³⁵ Однако поручители заемщиков фигурируют во многих векселях, в особенности, когда речь идет о крупных суммах, и нередко именно поручителям приходилось расплачиваться за недобросовестных должников. Подобная практика, по-видимому, была связана с давней традицией, а наличие поручителей воспринималось как гарантия возвращения долга. С учетом того, что в остальном участники вексельных сделок строго следовали закону, можно утверждать, что мы имеем дело с характерным приспособлением правительственных новаций к русским реалиям.

В свете этого весьма примечательна одна из записей в бежецкой книге протеста векселей за 1754 г. В ответ на предъявленный ему вексель на 20 руб., выданный им на имя бежечанина М. Д. Демина, купец И. Ф. Тыранов заявил, что «платить не повинен по такому резону, что означенной вексель к получению вышешоказанных денег подлинно за одною ево, Тыранова, рукою написан был, токмо за не собранием порук остался празден, и с прочими письмами у

³⁴ ПСЗРИ. Т. VIII. № 5410. С. 148.

³⁵ Это не означает, конечно, что подобное не случалось вовсе. Так, брянский купец Михаил Пенчуков в 1743 г. подал в местный магистрат челобитную, в которой писал: «Прошлого 1742 году в марте месяце был я в городе Смоленске для купечества своего и стоял на квартере смоленского гварнизона у сержанта Федора Локшина весьма болен, в которой болезни в беспамяестве моем брянской посацкой Иван Суетин с умыслу своего незнаемо каму велел написать вексель, якобы я взял у него денег семдесят рублей и привес меня в той болезни того города Смоленская во двор купца Василия Меньшого Родионова и, взяв руку мою к тому векселю, водил рукою моею к подписанию, а оных денег не токмо чтоб мне у него брать, но и никогда у него никаких денег не брал и векселя того писать никому не велел». (РГАДА. Ф. 713. Брянская земская изба, ратуша и городской магистрат. Он. 1. Д. 70. Л. 3).

нево, Тыранова, утратился, о чем от него, Тыранова, и явочное челобитье в указанном месте записано».³⁶ Иначе говоря, без подписей поручителей Тыранов считал вексель недействительным, не оговаривая при этом, получил ли он от Демина означенную в векселе сумму. Примечательно и то, что он заранее подстраховался на случай финансовых претензий, подав челобитную, причем не простую, а явочную, т. е. такую, какую подавали преимущественно в криминальных случаях. Таким образом, мы имеем дело с любопытным социальным механизмом самозащиты.

Другой практиковавшейся, хотя и не нашедшей отражения в законодательстве формой обеспечения гарантий уплаты вексельного долга, был, судя по всему залог. Причем, в зависимости от социальной принадлежности контрагентов он мог носить самый разнообразный характер. Так, в векселе, выданном в 1756 г. помещицей Дарьей Ефремовной Андреевой канцеляристу Бежецкого кружечного двора А. Буркову на сумму 30 руб. и сроком на 1 год отмечалось: «за которые деньги принято в заклад Белецкого уезду села Антоновскаго крестьянина Ивана Фомина и до оною сроку показанному крестьянину Ивану Фомину у него, Буркова, жительство иметь».³⁷ Помещичий же крестьянин Давыд Евдокимов, выдавший в 1757 г. бежецкому купцу Матвею Демину вексель на 4 р. 30 к., то есть в общем-то на совсем незначительную сумму, тем не менее дал «для верности в заклад осмнадцать крашенин гладких и толстых».³⁸

Возвращаясь к Уставу вексельному 1729 г. надо заметить, что основной акцент в нем делался на векселя, которыми удостоверялось внесение частными лицами денег в казну или, наоборот выплата им денег из казны. Что же касается торговых операций между купечеством, то подробно описывались векселя, в которых были задействованы несколько лиц, то есть, когда одно лицо поручало второму выплатить определенную сумму третьему. Подобная практика была широко распространена в Западной Европе и играла существенную роль в торгово-финансовом обороте, в особенности, на международном уровне. Однако в бежецких книгах протеста векселей и иных документах городского магистрата ни одного подобного векселя не зафиксировано, что заставляет предположить, что в России, по крайней мере в провинции, такая практика широкого распространения не получила. Все векселя, попавшие в базу данных, – это сделки между двумя контрагентами, с теми лишь оговорками, что, во-первых, в качестве заемщика в редких случаях фигурирует не один человек, а группа лиц, а, во-вторых, практика перевода векселя имела, как будет показано ниже, совсем иные цели.

Устав также подробно описывал процедуру протеста векселей, которую по требованию займодавца должен был осуществлять публичный нотариус, а в случае его отсутствия в данном населенном пункте – служащий городской ратуши (к моменту издания Устава городские магистраты были ликвидированы). Устав предписывал вносить протест по окончании последнего дня, указанного в векселе, но при этом заемщик получал отсрочку в 10 дней, если в векселе был указан точный срок уплаты долга. Дело в том, что вместо точного срока в днях, неделях, месяцах или годах Устав предусматривал также формулу «по объявлению», при применении которой займодавец имел право потребовать возврата денег в любое время. В этом случае заемщик получал отсрочку лишь в три дня.

В Уставе приводился образец записи, которую публичный нотариус должен был сделать в книге протеста векселей:

«Во-первых, копия с векселя от слова до слова... Под тою копию: 1729 Февраля 20 дня, в Санктпетербурге по требованию Артемья Стражнова, купца Псковскаго, ходил я нижеименованный Его Императорскаго Величества учрежденный при здешнем порте публичный нотариус с подлинным векселем, с котораго выше сего следует копия, к Николаю Верному, купцу Московскому, и требовал от него по тому векселю к платежу подписки..., на что он мне

³⁶ РГАДА. Ф. 709. Он. 2. Д. 1032. Л. 38об.

³⁷ Там же. Д. 1107. Л. 46.

³⁸ Там же. Д. 1135. Л. 20.

при нижеподписавшихся свидетелях ответственвал: (написать, что именно сказал), того ради я, нотариус, по вышеписанному требованию... надлежащим образом протестовал, и сей протест именованному Артемию Стражнову отдал».

При отсутствии публичного нотариуса запись корректировалась следующим образом: «Вместо того, что ходил я нижеименованный Его Императорскаго Величества учрежденный публичный нотариус, сие: ходил я, нижеименованный за неимением в здешнем месте публичного нотариуса». Подобная форма записей, строго соблюдалась и в Бежецке, где публичного нотариуса не было.³⁹ Свидетельством того, как работал этот механизм является случай, зафиксированный в документах Брянского магистрата, где в силу размеров населения города публичный нотариус имелся. В 1748 г. несколько брянских купцов обратились в магистрат с челобитной, в которой писали, что имеют на руках вексели, которые пора опротестовывать, но, хотя они неоднократно ходили к нотариусу, заставить его дома никак не удастся, а его домашние говорят, что он в отъезде, но неизвестно где. Магистрат, проверив эту информацию, временно поручил функцию протеста векселей одному из своих подканцеляристов.⁴⁰

Приведены в Уставе и формуляры самих векселей разных видов. Аналог того, который наиболее часто встречается в материалах Бежецкого городского магистрата, выглядит в Уставе следующим образом:

«Санктпетербург, Генваря 10 дня 1729.

Вексель на 700 рублей.

В два месяца, считая от сего 10 генваря 1729 года по сему одинакому векселю повинен я заплатить господину Ивану Иванову, купцу Санктпетербургскому, или кому они прикажет серебряными мелкими деньгами 700 рублей. Гаврила Ермолаев, купец Санктпетербургской».

Разновидностью подобного векселя является вексель, в котором указан товар, за который заемщик должен заплатить деньги:

«Москва, Генварь 17 день, 1729.

Вексель на 2000 рублей

В четыре месяца, считая от 17 дня генваря сего 1729 года, повинен я заплатить господину Антону Петухову, Московской Котельной слободы купцу, или кому он прикажет, 2000 рублей рублевиками, за которые деньги принято товару: льну 10 берковцов, воску 100 пуд, холста 1000 аршин. Мартын Дорофеев, купец Московской Бронной слободы».⁴¹

Таким образом, обязательными элементами векселя были дата и место заключения сделки, ее размер, срок уплаты по векселю и социальная идентификация контрагентов. Соответственно, априорно можно предположить, что база данных, составленная по материалам одного города, должна дать сведения об объеме торгово-финансовой деятельности его жителей, ее географии и контрагентах. При этом, если включенные в базу данных сведения охватывают продолжительный период времени, то можно попытаться проследить все эти показатели в динамике. Однако, стоит напомнить, что опротестовывали векселя в городском магистрате не только жители самого Бежецка, но и иные лица, в том числе иногородние купцы, которые находились в городе на момент истечения срока имевшихся у них на руках векселей. Что же касается социальной идентификации указанных в векселях заимодавцев и заемщиков, то, поскольку векселя составлялись не чиновниками государственных учреждений, а самими

³⁹ К сожалению, законодателям не пришло в голову оговорить в Уставе, что записи в книгах протеста векселей должны делаться четко и ясно: некоторые из бежецких книг заполнены крайне трудно читаемым почерком.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 713. Оп. 1. Д. 132. Л. 110–112.

⁴¹ ПСЗРИ. Т. VIII. № 5410. С. 185, 187, 194–195.

участниками сделки, то правильнее говорить об отражении в этих документах их самоидентификации.⁴²

Тема вексельного обращения в России XVIII в., естественно, нашла свое отражение в общих трудах по экономической истории, работах по истории торговли и финансов этого периода, в частности, о развитии кредита.⁴³ Однако специальные исследования по этой проблематике, а также о векселях, как историческом источнике, в историографии практически отсутствуют. В последние годы несколько статей, посвященных векселям, опубликовал американский историк Д. Монро.⁴⁴ В одной из них он справедливо отмечает, что «в то время как невозможно с уверенностью утверждать, с какой целью был составлен каждый из векселей, косвенные данные указывают на то, что, по крайней мере, для купцов большая их часть служила для продажи и покупки товаров, а не для денежных займов, не связанных с определенными коммерческими операциями».⁴⁵ В этой же статье Монро особо останавливается на хранящихся в РГАДА материалах созданной в 1773 г. комиссии для изучения причин резкого падения доверия к векселям, что, по его мнению, было «эхом банковского кризиса, начавшегося в Шотландии, немедленно ударившего по Лондону в июне 1772 г. и резонировавшего по всей Европе».⁴⁶ Стоит сразу отметить, что материалы Бежецка падения доверия к векселям, а значит, и их использования напрямую не отражают, хотя некоторые косвенные данные, как будет показано ниже, можно трактовать и подобным образом. При этом, именно на 1769–1774 гг. приходится наибольшее число зафиксированных в нашей базе данных векселей.

Среди материалов комиссии 1773 г. Монро обращает внимание на копию книги протеста векселей по Петербургу за 1773 г., в которой зафиксировано более 4 тыс. векселей с упоминанием имен купцов из 114 городов и населенных пунктов России. По его мнению, это свидетельствует о широком использовании векселей, как инструмента финансовых операций.⁴⁷ К выводу о том, что «вексельное обращение стало обычным явлением в России во второй половине XVIII в.», пришел и изучавший эти же документы российский исследователь В. Н. Захаров. При этом, ссылаясь на ту же, что и Монро, книгу, он уточняет, что из указанного числа опротестованных в 1773 г. в Петербурге векселей лишь «926 сделок заключались при участии иностранных купцов, остальные – только русскими людьми».⁴⁸ В связи с этим возникает вопрос: если число сделок с иностранными купцами в Петербурге – главном торговом центре страны – составляло менее четверти всех торговых сделок, то в какой степени на использовании в России векселей мог сказаться европейский банковский кризис?

⁴² Очевидно, что, если участники сделки были неграмотными, они приглашали для составления векселя того, кто был в состоянии его написать. Таковым мог быть и чиновник государственного учреждения. Однако Устав вексельный (опять же в отличие от иных документов того времени) не требовал, чтобы писец как-либо обозначал свое участие и, соответственно, никакой ответственности он также не нес.

⁴³ Интересно, что Ш. Монтескье в своем знаменитом сочинении «О духе законов», вынося свой приговор России, как деспотическому государству, писал, что «торговля, чтобы сделаться прочной, требует вексельных операций; но вексельные операции находятся в противоречии со всеми законами этой страны», поскольку «народ там состоит из одних рабов» и отсутствует третье сословие. (Цит. по: Ширле И. *Третий чин или средний род: история поиска понятий и слов в XVIII веке* // «Понятия о России: к исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. I. С. 226). См. также: Гриффитс Д. Восприятие отсталости в XVIII веке: проекты создания третьего сословия в екатерининской России // *Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М., 2013. С. 252.*

⁴⁴ Eighteenth Century, *Research in Maritime History*, No. 3 (December 1992): 99-113. О векселях Монро упоминает и в своей статье, посвященной ярославскому купечеству: Munro G. Glimpses into the Lives of the Merchants of Yaroslavl in the Eighteenth Century, in R.P. Bartlett and G. Lehmann-Carli, eds., *Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy*. Lit Verlag, Berlin, 2007: 507–520.

⁴⁵ Munro G. Finance and Credit. P. 560.

⁴⁶ Ibid. P. 559.

⁴⁷ Ibid. P. 560.

⁴⁸ Захаров В. Н. Роль западноевропейских купцов в развитии кредита в России XVIII в. // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: Материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2009. С. 230.

Захаров также отмечает, что, в отличие от иностранных, русские купцы почти не использовали такое свойство векселя как индоссамент, т. е. передачу векселя другому лицу. Оговорившись, что дать исчерпывающее объяснение этому факту невозможно «по недостатку материалов, раскрывающих конкретику торговой деятельности русских купцов», историк объясняет это узостью круга их партнеров и преобладанием двусторонних сделок.⁴⁹ Между тем, в нашей базе данных, как будет показано ниже и как уже упоминалось, число такого рода векселей относительно велико, причем в ряде случаев причины их составления вполне очевидны. Впрочем, во-первых, не очень понятно каково должно быть соотношение простых и индоссированных векселей, чтобы использование последних было признано достаточно широким. Во-вторых, очевидно, что потребность в индоссированных векселях была больше у тех, кто был занят внешнеторговыми операциями, в то время как в торговых операциях внутри страны такая потребность была значительно ниже.

Еще одна особенность векселей, которую отмечает Д. Монро, связана с тем, что крестьянам было запрещено использовать векселя, но, судя по тому, что в последующие после издания Вексельного устава годы этот запрет неоднократно возобновлялся, он постоянно нарушался. Действительно, несколько забегаая вперед, заметим, что в нашей базе данных на векселя, составленные с участием крестьян в качестве одной из сторон, приходится 13,5 %.

Тема вексельного обращения тесно связана с более широкой темой кредита, в рамках которой исследователи обращали внимание на проблему ростовщичества, используя при этом записные книги крепостных контор, в которых фиксировались сделки, связанные с денежными займами.⁵⁰ Некоторые из приведенных в соответствующих работах данных сопоставимы с данными, полученными при анализе бежецких книг протеста векселей и будут использованы ниже.

Обратимся теперь непосредственно к анализу основанной на бежецких материалах базы данных с тем, чтобы выяснить, какого рода информацию она в себе заключает.

2.3. База данных по книгам протеста векселей Бежецкого городского магистрата: общая характеристика

Как уже говорилось, в нашей базе данных зафиксировано 2448 случаев (кейсов)⁵¹ за период 1696–1775 гг. Оценить степень репрезентативности этой базы достаточно сложно. С одной стороны, это ничтожно малое число по сравнению с упоминавшимся выше числом записей в книге протеста векселей по Петербургу. Но, с другой, нас в данном случае интересует не столичный, а именно провинциальный город, заведомо не являвшийся крупным торговым центром. Поэтому сама эта цифра определенным образом его характеризует. Если в Петербурге в 1773 г. было учтено 4 тыс. опротестованных векселей, а в Бежецке за этот же год всего 166, то можно сделать вывод о том, что по объему совершавшихся в нем операций Бежецк уступал Петербургу примерно в 25 раз. Если же не учитывать 926 петербургских векселей, составленных с участием иностранных купцов (которым в Бежецке, не являвшемся морским портом, делать было нечего), то преобладание столицы над провинцией будет составлять 18,5 раз. В самих этих цифрах нет ничего удивительного, но стоит обратить внимание на то, что по размерам населения Петербург превосходил Бежецк примерно в 60 раз. Сопоставление этих

⁴⁹ Там же. С. 230–231.

⁵⁰ Голикова Н. Б. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности // Проблемы генезиса капитализма в России. М., 1970; Павленко Н. И. О ростовщичестве дворян в XVIII в. (к постановке вопроса) // Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв.: Сборник статей, посвященный памяти А. А. Новосельского. М., 1975. С. 265–271; Ламарш Марресе М. Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М., 2009. С. 151–157.

⁵¹ Поскольку для первых четырех десятилетий XVIII в. это не только векселя, целесообразно говорить здесь именно о кейсах, т. е. известных случаях финансовых сделок.

цифр, говорит скорее в пользу Бежецка и указывает на достаточно высокий уровень хозяйственной активности его обитателей.⁵²

Распределение вексельных сделок по годам в нашей базе далеко не равномерно. Как видно из Таблицы 2, число кейсов начинает постепенно возрастать с конца 1740-х гг. Небольшое число кейсов за 1760 г. связано с утерей книги протеста векселей 1761 г., а за 1775 г. – с тем, что они опротестовывались преимущественно уже в следующем, 1776 г. и соответствующая книга протеста векселей, не вошла в архивный фонд Бежецкого городского магистрата, хранящийся в РГАДА. Также небольшое число кейсов за 1756 г. может быть объяснено отсутствием в книге протеста векселей 1757 г. записей за январь и март.⁵³

Интерпретация полученных данных, как представляется, может быть двоякой. Так, достаточно обоснованно объяснить резкое, почти в два раза возрастание числа опротестованных векселей между 1768 и 1769 гг. не представляется возможным. Можно лишь предполагать, что, если в принципе рост числа опротестованных векселей является свидетельством роста хозяйственной активности, то это могло быть связано с введением ассигнаций и, если это так, то можно утверждать, что эта мера способствовала интенсификации финансово-торговой деятельности. Однако еще более резкое увеличение произошло и ранее, между 1753–1754 гг., что, вероятно, можно связать с осуществленной в 1754 г. реформой по ликвидации внутренних таможен. Если оба эти предположения верны, то следует признать успешность правительственной политики. Впрочем, возможно и иное объяснение. 1769–1774 гг. – это время первой русско-турецкой войны и в увеличении числа неплатежеспособных заемщиков можно увидеть признаки ухудшения материального положения населения, однако достоверными сведениями о том, какое именно влияние война на него оказала, мы не располагаем.

Таблица 2

Распределение кейсов по годам

Год	Число кейсов	Год	Число кейсов
1696	1	1752	53
1709	1	1753	46
1710	1	1754	104
1713	1	1755	98
1714	1	1756	82
1716	1	1757	105
1717	2	1758	115
1718	1	1759	91
1719	1	1760	18
1721	1	1761	114
1726	1	1762	100
1730	2	1763	65
1732	1	1764	44
1739	2	1765	61
1740	11	1766	99
1741	10	1767	51
1742	1	1768	89
1744	1	1769	169
1745	4	1770	194
1746	8	1771	131
1747	7	1772	130
1748	4	1773	166
1749	30	1774	137
1750	17	1775	49
1751	27		

Подтвердить, или опровергнуть эту гипотезу могли бы данные о размере сделок. В целом за весь рассматриваемый период их размер колебался от одного до 2300 рублей.⁵⁴ Подавляю-

⁵² Предвижу возражения против этого тезиса, связанные с тем, что в населении Петербурга, естественно, значительно выше был процент дворян, военнотружущих, чиновников и представителей высшего духовенства, однако, как будет показано далее, представители всех этих социальных групп вовсе не чурались участия в вексельных сделках.

⁵³ РГАДА. Ф. 709. Он. 2. Д. 1135.

⁵⁴ На такую сумму в 1758 г. бежечанин Алексей Иванович Бурков выдал вексель сроком на шесть месяцев одному из

щее же число векселей в нашей базе данных выписаны на сумму, не превышающую 100 руб. Если же брать среднюю сумму сделки по отдельным годам, то надо иметь в виду, что она в значительной мере зависит от наличия или отсутствия среди векселей за данный год выписанных на крупные суммы (свыше ста рублей). Помимо этого, естественно, во внимание стоит принимать лишь тот период, когда число зафиксированных векселей приобретает сколько-нибудь значимые величины, т. е. с 1749 г. Как видно из Таблицы 3, средняя сумма сделок колеблется от 14,5 руб. в 1754 г. до 92,3 руб. в 1772 г. При этом, если до 1770 г. средние суммы сделок по годам сильно разнятся, то в 1770–1775 гг. они вполне сопоставимы. Увеличение же числа опротестованных векселей в 1753–1754 и 1768–1769 гг. на средней величине сделок не сказалось.

Таблица 3
Средняя сумма сделок

Год	Средняя сумма в руб.	Кол-во кейсов	Год	Среднее	Кол-во кейсов
1749	28,6	30	1762	84,8	100
1750	27,1	17	1763	45,6	65
1751	38,3	27	1764	22,9	44
1752	26,6	53	1765	30,4	61
1753	41	46	1766	45,7	99
1754	14,5	104	1767	13,8	51
1755	48,1	98	1768	79,2	89
1756	25,6	82	1769	43,5	169
1757	25,9	105	1770	66,6	194
1758	82,6	115	1771	92,2	131
1759	42,9	91	1772	92,3	130
1760	35	18	1773	73,3	166
1761	27,2	114	1774	77,9	137
			1775	84,3	49

Иная возможная интерпретация полученных данных связана с тем, что мы имеем дело с опротестованными, то есть не оплаченными в срок векселями. С этой точки зрения, резкое возрастание их числа, начиная с 1769 г., возможно, действительно привело к потере доверия к ним, как платежному средству. Незначительное же число опротестованных векселей в первой половине столетия, вероятно, свидетельствует о том, что на начальном этапе существования векселей должники воспринимали их более серьезно. При этом, предлагаемые интерпретации не противоречат друг другу, поскольку рост числа сделок неминуемо вел и к увеличению числа неоплаченных в срок векселей.

2.4. География хозяйственных связей

Еще один аспект информации, содержащейся в полученной базе данных, как уже говорилось, связан с географией заключенных сделок. Подавляющее их большинство (82,4 %) приходится на сам Бежецк, но помимо него в векселях фигурируют 50 других городов и населенных пунктов (таблица 4).

Таблица 4

№ п/п	Город/ населенный пункт	Число кейсов	Годы	Расстояние*
1	Москва	77	1741, 1750, 1751, 1752, 1754, 1755, 1756, 1757, 1759, 1761, 1762, 1763, 1764, 1765, 1766, 1767, 1768, 1770, 1771, 1772, 1773, 1774	Ок. 300 км
2	Санкт-Петербург	59	1739, 1752, 1753, 1754, 1755, 1756, 1757, 1759, 1761, 1762, 1763, 1764, 1765, 1766, 1767, 1769, 1770, 1771, 1772, 1775	558 км
3	Углич	41	1751, 1752, 1754, 1755, 1756, 1758, 1759, 1766, 1767, 1768, 1769, 1770, 1772, 1773, 1774, 1775	139 км
4	Устюжна Железопольская	37	1752, 1753, 1754, 1756, 1757, 1758, 1761, 1762, 1763, 1764, 1769, 1770, 1771, 1772, 1773, 1774, 1775	181 км
5	Кашин	30	1755, 1757, 1758, 1761, 1762, 1764, 1765, 1766, 1767, 1768, 1769, 1773, 1774	66 км

6	Весьегонск	20	1755, 1758, 1763, 1765, 1769, 1770, 1771, 1773, 1775	123 км
7	Тверь	18	1752, 1754, 1755, 1757, 1758, 1759, 1762, 1763, 1767, 1769, 1772	114 км
8	С. Валдай	16	1751, 1753, 1754, 1755, 1756, 1757, 1762, 1773	243 км
9	Вышний Волочок	15	1749, 1755, 1757, 1771, 1774	125 км
10	С. Боровичи	11	1757, 1767, 1770, 1773, 1774, 1775	
11	Ярославль	10	1741, 1747, 1749, 1750, 1753, 1755,	216 км
12	Новая Ладога	9	1741, 1757, 1758, 1761, 1767, 1770	506 км
13	Рыбная слобода	9	1763, 1769, 1770, 1771, 1772, 1774, 1775	
14	Борисоглебская слобода	8	1757, 1758, 1770	
15	Тихвин	5	1696, 1763, 1766, 1769, 1770	405 км
16	Посад Молога	5	1763, 1765, 1773	
17	С. Козловка, Острошки тож	5	1770	
18	Опеченская пристань	4	1752, 1767, 1768, 1769	
19	Новгород	4	1754, 1763	381 км
20	Николаевский монастырь (Теребенский, Теребьевский)	4	1765, 1768, 1769	
21	Торжок	3	1751, 1761, 1766	132 км
22	Село Кесова Гора	3	1757, 1766	
23	Кострома	3	1765, 1769, 1775	294 км

24	Коломна	3	1772, 1774, 1775	416 км
25	Село Молоково	3	1759, 1771	
26	Вологда	2	1755	372 км
27	Белоозеро	2	1761, 1762	
28	Ростов	2	1763, 1774	228 км
29	Село Присеки	2	1769	
30	Село Старое Холопье	2	1771	
31	Выборг	1	1710	692 км
32	Нарва	1	1755	678 км
33	Устюг	1	1757	818 км
34	Теребенская пустынь	1	1758	
35	Ревель	1	1758	889 км
36	Троице-Сергиева лавра	1	1759	224 км
37	Потерпильская пристань	1	1759	
38	Шлиссельбург	1	1759	
39	Юрьев-Польской	1	1765	
40	Удомельской погост	1	1766	
41	Сельцо Федосеево	1	1769	
42	Тарунь	1	1769	
43	Село Ворли Беж. уезда	1	1770	
44	Руза	1	1771	288 км
45	Переславль- Залесский	1	1771	211 км
46	Дмитров	1	1772	239 км
47	с. Рудниково	1	1772	
48	Село Телятин	1	1773	
49	Село Еляшино	1	1774	
50	Апеченская пристань	1	1775	
	В с е г о	432 (17,6%)		

* Расстояния даны по современным автомобильным дорогам.

Как легко заметить, лидируют в этом списке основные торговые центры страны – Москва и Санкт-Петербург, на которые приходится примерно 31,5 % всех векселей, составленных вне Бежецка. Попавшие в этот список другие города расположены преимущественно в современных Тверской, Костромской, Новгородской, Ярославской, Московской и Вологодской областях, то есть охватывающих центральную и северо-западную Россию. Здесь же расположены и более мелкие населенные пункты. Так, Опеченская пристань – это село Новгородской области (ныне – Опеченский Посад) на правом берегу р. Меты, к юго-востоку от Боровичей, которое было важным лоцманским центром Вышневолоцкой водной системы. К этой же системе относилась и Потерпильская пристань. Удомля в настоящее время – это город на границе Тверской и Новгородской областей. Теребенская, или, правильнее, Николо-Теребенская пустынь находится в непосредственной близости от Бежецка. Определить, какая именно Рыбная слобода упоминается в бежецких документах, довольно сложно, поскольку это и название нынешнего города Рыбинска, и слободы Переславля-Залесского. Также не представляется возможным определить, какая именно Борисоглебская слобода, на которую приходится восемь векселей, имеется в виду. Вероятно, это также часть Переславля-Залесского, являвшаяся до 1764 г. монастырской слободой. Но одноименные слободы находились и под Ростовом и Ярославлем. Наиболее отдаленная точка – Ревель, в котором зафиксирован только один вексель.

Еще один источник информации о географии торговых связей Бежецка – сведения об иногородних купцах, выступающих либо в качестве заемщиков, либо заимодавцев, опротестовавших свои векселя в Бежецке и, значит, находившиеся там в этот момент. В основном здесь повторяются те же географические названия, однако помимо них упомянуты Соликамск, Волоколамск, Кинешма, Цивильск, Торопец, Воронеж, Рязск, Молога (город, находившийся на месте Рыбинского водохранилища), Шуя и Олонек. При этом Воронеж представлен в нашей базе лишь одним купцом этого города, опротестовавшим в Бежецке несколько векселей воро-

нежских же однодворцев, а ряжская помещица вдова А. А. Селиверстова в 1766 г. выписала вексель на имя Бежецкого купца М. Т. Завьялова. Также в нашей базе только один представитель Цивильска – купец Ф. И. Постовалов, опротестовавший в 1763 г. вексель на 60 руб., выданный ему рыбнослободским купцом И.И. Крашенинниковым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.